

А

Виктор Афанасьев

Жизнь и поэзия Николая Платоновича Огарева

(1813-1877)

Источник: Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы.

(с) Издательство "Советская Россия", 1980 г.,

составление, вступительная статья, примечания.

OCR: Pirat

Трагедию 1825 года - разгром декабристского движения и казнь пятерых его вождей - Огарев, как и Лермонтов, пережил, будучи подростком. Аристократия отвернулась от "политики" и малодушно заглушала звуками бальной музыки всякое напоминание о том, что сделал император Николай с ее лучшими сынами. Огарев, как и Лермонтов, с ранней юности исполнился презрения к своему классу.

Эти два имени поставлены здесь рядом не случайно: Лермонтов и Огарев были родственны в страстной трагичности своих размышлений о судьбах России, лермонтовское творческое начало лежит в основе и поэзии Огарева.

Наряду с Лермонтовым сильное воздействие на Огарева оказал поэт-декабрист Рылеев, вся жизнь которого была для него примером.

Рылеев был мне первым светом...

Отец! по духу мне родной -

Твое название в мире этом

Мне стало доблестным заветом

И путеводною звездой.

Однако Огарев не был подражателем ни Лермонтова, ни Рылеева, так как он сам был слишком своеобразной и значительной личностью и сумел найти свою дорогу.

Наиболее проникательно охарактеризовал Огарева один из его современников поэт Аполлон Григорьев: "Огарев - поэт действительно по преимуществу, в самом прямом смысле слова, с тою искренностью чувства, с тою глубокою мотивов, которые сообщаются всякому читающему его, поэт сердечной тоски, не той тоски а la Гейне, которая у некоторых звучит чем-то неприятно-фальшивым и приторно-принужденным, - не той тоски а la Лермонтов, которая так страшна у Лермонтова и так жалка у его подражателей... нет! Не такой тоски поэт Огарев: его тоска - тоска сердца, бесконечно нежного, бесконечно способного любить и верить - и разбитого противоречиями действительности". Называя стихи Огарева "искренними песнями эпохи", Аполлон Григорьев подчеркивает их "неотразимое обаяние", хотя и замечает, что написаны они "часто даже с замечательным пренебрежением к форме".

Стихи Огарева замечены были сразу, после первых же публикаций. О нем писали Белинский, Боткин, Дружинин и другие критики.

Как и всякое значительное явление в литературе, поэзия Огарева не поддается однозначным определениям - "чистый" ли он лирик или "поэт-гражданин". Своеобразие поэзии Огарева в том, что в ней слились "чистая", личная лирика и лирика сомнения, протеста, отрицания. Если не говорить о прямолинейно-публицистических стихах Огарева, которые по своей сути примыкают к его социально-экономическим статьям и прокламациям (поэтически эти стихи не всегда удачны, хотя они и сыграли свою роль в революционной пропаганде), то почти невозможно разграничить его интимную и гражданскую поэзию. Одно и то же стихотворение, одна и та же поэма у Огарева почти, как правило, содержат обе эти стороны. Это сделало гражданственность поэзии Огарева удивительно поэтичной: вот здесь Огарев дал русской поэзии урок подлинно поэтической гражданственности, и урок этот действен и для нашего времени.

Что же касается тонко подмеченного Григорьевым огаревского "замечательного пренебрежения к форме" - то это та обманчивая простота, в которой есть какое-то таинственное, скрытое, гипнотически притягивающее мастерство. Можно отметить, что позднее секретом подобной простоты формы владел Надсон - при всем несходстве этих поэтов, - для которого Огарев был образцом во многих отношениях. Огарев занял свое прочное и определенное